

НОРМАТИВОПРИНЯТИЕ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ НАРАЩИВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РАЗНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОЗРАСТНЫХ ГРУППАХ

**М. К. Акимова, Е. И. Горбачева, В. Т. Козлова,
В. А. Столярова, С. В. Ярошевская**

Аннотация: в статье представлены материалы сравнительного анализа уровней развития и качества социального капитала, а также особенностей его наращивания в разных образовательно-возрастных группах — студентов и лиц, получающих второе высшее образование в московских и калужских вузах. Показано, что принятие нормативов современной личности тесно взаимосвязано с уровнем развития социального капитала, и эта взаимосвязь опосредована региональными характеристиками групп, в которых происходит вторичная социализация молодых россиян.

Ключевые слова: социальный капитал, личностный норматив, нормативоприятие, уровень развития компонентов социального капитала, образовательно-возрастные группы.

Summary: here are represented materials of comparative analysis of social capital's quality and development levels. Also there are materials concerning peculiarities of social capital build-up in different age-and-education-related groups such as students and individuals, who get the second higher education at universities of Kaluga and Moscow. It's revealed that acceptance of contemporary personality's normatives is interconnected with the development level of the social capital. This interconnection is mediated by regional.

Keywords: social capital, personality normative, normative acceptance, level

of development of social capital components, sociocultural resource, age-and-education-related groups.

Социальный капитал является важной социопсихологической характеристикой, которую в настоящее время все чаще применяют для описания как общества в целом, так и отдельной личности в плане сформированности у нее специфических черт, образующих креативный потенциал общества. Социальный капитал часто определяют как «суммарное количество всех ресурсов, актуальных или виртуальных, которые достаются человеку (или группе) благодаря нахождению в устойчивой сети более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания» [4, с. 248]. Можно полагать, что социальный капитал — это накопленные в обществе доверие, честность и согласие, это важнейший показатель позитивных взаимоотношений между людьми и разными социальными группами, их сплоченности, солидарности, доброжелательного взаимодействия.

Формирование у личности черт, относящихся к социальному капиталу (честности, доверия, солидарности), происходит в соответствии с законом нормативного психического развития, согласно которому психический облик любого человека, его индивидуальность и личность формируются под влиянием

требований окружающей (прежде всего социальной) среды [1]. Если они положительно подкрепляются, способствуют адаптации и реализации, ценятся в том социуме, где находится индивид, то последний старается обладать ими, развивать их у себя.

Для понимания сущности нормативосообразного развития личности правомерно использовать такой конструкт, как *нормативоприятие*. В самом общем виде его можно определить как осознанное или бессознательное, имеющее индивидуальную выраженность стремление личности следовать социально-психологическим требованиям. Нормативоприятие обеспечивает не только усвоение знаний, умений, привычек, культурных норм, но и более глубокий процесс формирования потребностей, мотивов, отдельных черт характера, установок, ценностей и других свойств личности, а также индивидуальных особенностей их реализации в конкретном социуме.

Следование индивидом социокультурным нормативам, реализующим порядок взаимодействия с другими людьми, приводит к возникновению социального капитала, а возможность его наращивания напрямую зависит от отношений с людьми, разделяющими эти нормативы. Ряд исследований даже указывает на специфическую для осуществления социального капитала активность (так называемую SC-стратегию), то есть сознательное стремление взаимодействовать с другими людьми, путем накопления взаимных обязательств и ожиданий [3; 5–7].

Таким образом, динамика изменений социального капитала должна рассматриваться в едином концептуальном

ключе — взаимосвязи и взаимопроникновении как образующих этот капитал психологических характеристик личности, так и тех общностей, в нормативном пространстве которых он реализуется.

В немногих известных нам исследованиях, посвященных социальному капиталу молодежных групп [2], отмечается, что современная студенческая молодежь испытывает серьезные проблемы с накоплением и реализацией имеющегося у нее социального капитала. Первичная систематизация этих проблем указывает на то, что значительная часть молодых людей не ориентированы на диалог с государственными институтами, но действуют по логике сохранения позиции нейтралитета с целью минимизации возможных социальных обязательств. Отмечается, что молодежь не готова к осуществлению совместных социальных практик, если они только не связаны с интересами локальных групп, что молодые люди предпочитают использовать неформальные практики «блата», знакомства и признания в социальных сетях, дистанцируясь от демократических институтов, требующих адекватных ему нормативов взаимодействия — сотрудничества, генерализованного доверия. Все это с оговоркой, безусловно, свидетельствует о необходимости как психологической диагностики социального капитала молодежных групп, так и анализа тех условий и источников, которые могут обеспечить его поступательное развитие.

Вполне правомерным будет предположение о том, что представители молодежных групп, обладающих большим социокультурным ресурсом, покажут также более высокие показатели уровня развития компонентов социального

капитала и его совокупной величины, при этом динамика наращивания социального капитала в «сильноресурсной» и «слаборесурсной» образовательно-возрастных группах будет иметь свою специфику.

Для проверки этого предположения было проведено специальное исследование. Его методическую основу составил сравнительный анализ уровня развития и качества социального капитала, а также особенностей его наращивания в разных образовательно-возрастных группах. В московскую выборку вошли студенты-психологи: средний возраст — 21 год, разброс от 19 до 24 лет (58 человек); и лица, обучающиеся по программе второго высшего (психологического) образования: средний возраст — 32,5 года, разброс от 25 до 40 лет (45 человек). Калужскую выборку составили: студенты, обучающиеся по психолого-педагогическому и социогуманитарному направлениям в Калужском государственном университете и в Калужском филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (КФ РГНХ И ГС): средний возраст — 20,7 лет, разброс от 18 до 24 лет (55 студентов), а также получающие второе высшее (психологическое) и финансово-экономическое образование в Калужском государственном университете имени К.Э. Циолковского и КФ РГНХ И ГС: средний возраст — 29,4 года, разброс от 23 до 40 лет (65 человек). Общий объем выборки — 223 человека.

В анализ включались: совокупная величина социального капитала, уровень развития компонентов социального капитала, уровень принятия личностных

нормативов, служащих базой наращивания социального капитала, данные корреляционного анализа показателей нормативоприятия и развития социального капитала.

Для диагностики индивидуально-психологических компонентов социального капитала использовались три опросника: доверительных отношений, легитимизации нечестности и солидарности, разработанные авторским коллективом.

Отраженные в *опроснике доверительных отношений* черты характеризуют некоторые особенности взаимодействия с окружающими, отношения к ним как к субъектам, заслуживающим доверия, поддержки, интереса, помощи, сочувствия, терпения, сотрудничества. Опросник включал в себя следующие шкалы: 1) позитивные представления о разных людях; 2) польза от доверительных отношений; 3) позитивные представления о государственных и общественных институтах; 4) представления о значимости своей личности, самопринятие; 5) представления об осторожности как следствии человеческой изменчивости.

Опросник легитимизации нечестности направлен на выявление допустимости нарушения одного из важнейших нравственных требований к взаимоотношениям и общению людей. Понятие «честность» рассматривается в данном случае широко, охватывая такие особенности, как правдивость, принципиальность, верность принятым обязательствам, искренность, убежденность в правоте. Соответственно, в опросник вошли следующие субшкалы: «обман», «ложь», «лицемерие», «вероломство», «воровство».

Опросник солидарности осуществлял оценку такой черты, как любовь к близким, а также отношений к социальным группам и своему народу в целом. Он состоит из трех шкал: 1) отражает утверждения, отражающие меру привязанности, интереса, любви, отзывчивости по отношению к родным и друзьям; 2) измеряет уровень патриотизма, понимаемого как любовь к своей стране, идентификацию с ней, уважительное отношение к соотечественникам; 3) диагностирует гражданскую позицию, занимаемую индивидом, его равнодушие к общественным проблемам, гражданскую ответственность.

Описанные опросники оценивают те основные черты, которые скрепляют человеческое сообщество, способствуют его консолидации. Как было отмечено, все они составляют социальный капитал личности.

Для диагностики принятия личностного норматива *индивидуализма/коллективизма* использовался опросник легитимизации конформности (М.К. Акимова) Он направлен на измерение такой черты, которая отражает уровень подчинения групповым интересам и требованиям и часто относится к одной из основных характеристик коллективистических культур.

Применялся также *опросник интеллигентности* (М.К. Акимова), выявляющий личностную характеристику, которая связана с системой внутренних ограничений, запретов, свободно и добровольно налагаемых человеком на себя, иначе ему «стыдно», «неловко», его «мучает совесть». Интеллигентный человек считает главным инструментом социального регулирования закон, а не обычаи и традиции. Интеллигентность

характеризуется признанием сменяемости, выборности и подконтрольности власти обществу, необходимости ее открытости, уважением прав человека.

Опросник «Отношение к праву» (В.Т. Козлова) включал в себя 4 шкалы: 1) правовая инфантильность, 2) правовой негативизм, 3) правовой идеализм, 4) правовой эгоцентризм. Каждая из них определяла характер возможной деформации индивидуального правосознания, а суммарный показатель по всем шкалам позволял судить об уровне *уважения к праву* как личностному нормативу.

Обратимся к результатам исследования и их анализу.

По суммарным показателям социального капитала в каждой из субвыборок студентов и обучающихся по программам высшего профессионального образования в калужских и московских вузах были выделены две группы — с высоким и низким уровнями его выраженности. В этих контрастных группах сопоставлялись основные показатели принятия личностных нормативов (среднегрупповые и величины разброса минимальных и максимальных результатов). Все подлежащие анализу данные представлены в таблице 1.

Рассмотрим показатели московской студенческой субвыборки. В каждую группу с высоким и низким уровнями выраженности социального капитала вошли по 9 человек. С помощью непараметрического критерия различий Манна-Уитни мы сравнили уровни легитимизации конформности этих групп. Они свидетельствуют о том, что чем выше у индивида показатель социального капитала, тем менее приемлемой (легитимной) он считает такую черту, как конформность ($p \leq 0,05$). Вместе с тем

Таблица 1

Показатели принятия личностных нормативов в образовательно-возрастных группах с разными уровнями выраженности социального капитала (СК), балл

Образовательно-возрастные группы	Уровень СК	Индивидуализм/Коллективизм		Интеллигентность		Уважение к праву	
		Средн.	Разброс	Средн.	Разброс	Средн.	Разброс
Студенты (Москва)	Выс.	77,1*	70–86	13,0	10–17	44,8	45–48
	Низк.	78,8*	66–85	13,0	9–15	40,7	32–47
Студенты (Калуга)	Выс.	83,7	77–91	12,7	11–14	41,2	34–51
	Низк.	83,8	67–94	12,2	9–15	43,3	38–49
Обучающиеся по программам второго высшего образования (Москва)	Выс.	74,4**	59–93	11,9**	7–18	42,7	36–50
	Низк.	88,0**	62–84	10,9**	6–17	42,7	36–57
Обучающиеся по программам второго высшего образования (Калуга)	Выс.	80,9	69–101	12,2	9–16	40,9**	36–46
	Низк.	81,1	64–102	11,3	8–16	44,8**	39–49

Примечание: * — выделены показатели, значимо отличающиеся по критерию Манна-Уитни при $p \leq 0,05$; ** — отмечены показатели, значимо отличающиеся по критерию Манна-Уитни при $p \leq 0,01$.

эта закономерность не получила подтверждения в группе калужских студентов. Принятие норматива индивидуализма/коллективизма оказалось в равной степени выражено в группе как с самыми высокими, так и низкими показателями социального капитала. У калужских студентов также не было найдено каких-либо связей между выраженностью социального капитала и принятием норматива интеллигентности. Даже контрастные группы (с высоким и низким социальным капиталом) не различались по уровню принятия данного норматива. Следует отметить, что подобная закономерность нашла место и в московской студенческой группе (табл. 1).

Сопоставив показатели социального капитала с результатами опросника

«Отношение к праву», мы получили следующие результаты. В группе тех, у кого оказалась высокая выраженность социального капитала, средний показатель принятия норматива «уважение к праву» равен 41,8 баллам (разброс от 34 до 51), а в группе лиц с низкой выраженностью социального капитала средний показатель составил 43,4 (разброс от 38 до 49). Различия по критерию Манна-Уитни также оказались не значимы.

Полученные результаты нуждаются в объяснении, заключающемся в специфике социокультурных особенностей той образовательной среды, в которой обучаются калужские студенты. Уже сам факт, что принятие нормативов уважения к праву, индивидуальной ответственности (как оппозиции конформизму) и

интеллигентности не дифференцирует студентов с более высокими показателями социального капитала, свидетельствует о серьезной деформации, которая имеет место в образовательном пространстве калужских вузов по сравнению с таким московским вузом, как РГГУ. На это, в частности, указывает сопоставление среднегрупповых показателей совокупной величины социального капитала (она определялась посредством суммирования общих баллов по опросникам доверительных отношений и солидарности и вычитания общего балла по опроснику легитимизации нечестности), уровня выраженности каждого из его компонентов, а также величин стандартного отклонения, полученных в выборках московских и калужских студентов. Полученные данные указывают на то, что московские студенты характеризуются более высоким уровнем развития социального капитала, как в целом: показатели его совокупной величины значительно отличаются на $p \leq 0,05$ и составляют 169,3 у москвичей и 147,3 у калужан; при этом московская субвыборка оказалась более однородной по своему социальному капиталу: если величины стандартных отклонений для всех компонентов социального капитала у москвичей лежали в диапазоне от 2,4 до 12,9, то у студентов-калужан этот диапазон был от 7,82 до 11,9; московские студенты по сравнению со своими калужскими сверстниками показали более высокие результаты по уровню развития такого существенного компонента социального капитала, как доверительные отношения (148,2 и 135,7, соответственно; можно также отметить, что эти различия оказались значимы на $p \leq 0,05$).

Сопоставление особенностей развития социального капитала в зависимости от нормативоприятия у представителей «сильноресурсных» (лица, получающие второе высшее образование) в региональных субвыборках указало на их сходство как по уровню выраженности всех исследуемых параметров, так и по особенностям взаимосвязи между ними. Если обратиться к сравнению совокупных величин социального капитала, то они существенно не отличались ($X=168$; $\sigma=25,7$ — у москвичей и $X=162,2$; $\sigma=12,83$ — у калужан). Следует, впрочем, отметить, что группа лиц, получающих второе высшее образование в калужских вузах, является более однородной.

В выборке, состоящей из лиц, получающих второе высшее образование как в Калуге, так и в Москве, также были выделены две группы по 10 человек в каждой. Показатели легитимизации конформности в первой группе (с высоким уровнем выраженности социального капитала) лежали в диапазоне от 62 до 84 (средний балл 74,4); в группе с низким уровнем — от 59 до 93 (средний балл 82). По критерию Манна-Уитни различия значимы на уровне $p \leq 0,01$. Как и в студенческой выборке, высокая конформность здесь сочеталась с низким уровнем социального капитала.

Поскольку различия в принятии норматива «индивидуализм/коллективизм групп» с контрастной выраженностью социального капитала в московской выборке, состоящей из лиц, получающих второе высшее образование, представлены намного сильнее по сравнению с выборкой студентов, мы предположили наличие у этих лиц более тесной (линейной) связи социального капитала с кон-

формностью, проявляющейся не только в контрастных группах, но и в выборке в целом. Для проверки этого был проведен корреляционный анализ по Спирмену. Получен коэффициент корреляции $-0,28$, значимый на уровне $p \leq 0,05$, означающий, что чем выше социальный капитал, тем ниже будет уровень легитимизации конформности.

В группе лиц, получающих второе высшее образование в калужской выборке, у тех, кто имел высокий уровень выраженности социального капитала, показатели легитимизации конформности находятся в пределах от 69 до 101 (средний балл 80,9); в группе с низким уровнем — от 64 до 102 (средний балл 81,1). Различия оказались не значимы, то же можно сказать и об особенностях связи социального капитала и принятия норматива интеллигентности. В группе тех, у кого имела место высокая выраженность социального капитала, средний показатель интеллигентности был равен 12,2 балла (разброс от 9 до 16), а в группе лиц с низкой выраженностью социального капитала установлен средний показатель — 11,3 (разброс от 8 до 16 баллов).

Сопоставление показателей социального капитала с результатами опросника «Отношение к праву» подтвердило, что в контрастных группах, отличающихся уровнем развития социального капитала, выявлены значимо различающиеся (на $p \leq 0,01$) показатели принятия норматива уважения к праву.

Данная закономерность не получила какого-нибудь подтверждения на московской выборке. Зато здесь проявился иной характер зависимости развития социального капитала от принятия норматива интеллигентности. Так, средний

показатель интеллигентности в субвыборке обучающихся по программе второго высшего образования, показавших высокий уровень развития социального капитала, принятие норматива интеллигентности достигало 13,9 баллов (разброс от 7 до 18), а в группе лиц с низкой выраженностью социального капитала средний показатель равнялся 10,9 (разброс от 6 до 17). Различия по критерию Манна-Уитни оказались значимы на уровне $p < 0,01$. Коэффициент корреляции по Спирмену между интеллигентностью и социальным капиталом равен 0,39 (значим на уровне $p < 0,01$).

Таким образом, социальный капитал в группе лиц, получающих второе высшее образование, прямо связан с их интеллигентностью: чем выше интеллигентность, тем сильнее выражено доверие к людям, честность по отношению к ним и готовность сотрудничать для достижения общих целей.

Проведенное исследование показало, что нормативоприятие взаимосвязано с уровнем развития социального капитала, и эта взаимосвязь опосредована образовательно-возрастными и региональными характеристиками групп, в которых происходит вторичная социализация молодых россиян. В образовательно-возрастных группах, существенно различающихся по социокультурному ресурсу (лица, получающие высшее образование), взаимосвязь социального капитала и нормативоприятия проявилась с большей демонстративностью. Кроме того, зависимость развития социального капитала от уровня принятия личностных нормативов имеет свои особенности в региональных субвыборках: у обучающихся в вузах г. Москвы высокий уро-

вень развития капитала соотносился с принятием нормативов индивидуализма и интеллигентности, тогда как у обучающихся в вузах г. Калуги — с принятием норматива уважения к праву.

Литература

1. Гуревич К.М. Дифференциальная психология и психодиагностика. Избр. тр. — СПб.: Питер, 2008. — 336 с.

2. Кротов Д.В. Социальный капитал российской молодежи. — Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. — 191 с.

3. Титов В.Н. Социальный капитал в контексте проблемы формирования гражданского общества // Социосфера. — 2010. — № 1. — С. 65–71.

4. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for sociology of Education. Ed. By J. Richardson. — New York: Greenwood Press, 1986. — P. 241–258.

5. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // Social Capital: A Multifaceted Perspective / edited by P. Dasgupta, I. Serageldin. — Washington: The World Bank, 2000. — 424 p.

6. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. — New York: Simon & Schuster, 2000. — 171 p.

7. Portes A. Social capital: Its origins and application in modern sociology // Annual Review of Sociology. — Vol. 24. — 1998. — P. 1–24.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ

Е. Л. Сучкова

Аннотация: в статье рассматривается содержание социального представления о правовой действительности лиц, осужденных условно, анализируются общие и специфические черты указанного представления в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов.

Ключевые слова: обыденное правосознание, теория социальных представлений, представления о правовой действительности.

Summary: the article examines the meaning of social representation of legal reality of persons on probation; it analyses common and specific features of the said representation depending on socio-demographic characteristics of respondents.

Keywords: trivial law consciousness, theory of social representations, representation of legal reality.

Реформы последних лет, изменившие социальное устройство России, сопровождались активными изменениями в сфере уголовной и уголовно-исполнительной политики государства. Приоритетными становятся наказания, не связанные с реальным лишением свободы, что должно обеспечить разобщение преступников, способствовать уменьшению численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, и, как следствие, привести к снижению уровня криминализации общества [1, с. 18–19].

На сегодняшний день на учете в 2467 уголовно-исполнительных инспекциях состоят около 500 тыс. осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, самой многочисленной группой являются осужденные условно [4]. Рационализация политики